

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, УРОВЕНЬ И ДИНАМИКА ОТМЫВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В МОНГОЛИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE CURRENT STATE, LEVEL AND DYNAMICS OF MONEY LAUNDERING IN MONGOLIA AND THE RUSSIAN FEDERATION

Д.Энхтөр

Старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета внутренних Дел Монголии, кандидат юридических наук, капитан полиции

Enkhtor D.

Senior Researcher at the Research Institute of the University of Internal Affairs of Mongolia, Candidate of Law, Police Captain

Аннотация: Легализации активов криминального происхождения, которая в современный период имеет место во всех государствах, уделяется большое внимание, что обусловлено особенностью этого явления, которой выступает вторичная преступная деятельность, детерминирующая первичную криминальную активность. Ее качественные изменения отмечались исследователями еще в начале 2000-х гг., и с того времени воздействие этих негативных тенденций сохраняется. «Представляя собой деятельность по приданию преступно полученным доходам видимости легальных для их дальнейшего свободного использования и извлечения из них прибыли, оно (преступление – добавлено автором) является угрозой для нормального функционирования рыночной экономики и свободных экономических отношений как внутри стран, так и на международном уровне, одновременно позволяя преступникам развивать и совершенствовать криминальную деятельность».

Abstract: Legalization of assets of criminal origin, which in the modern period takes place in all states, is given great attention, due to the peculiarity of this phenomenon, which is secondary criminal activity, which determines primary criminal activity. Its qualitative changes were noted by researchers back in the early 2000s, and since that time the impact of these negative trends has persisted. "Being an activity aimed at making criminally obtained incomes look legal for their further free use and profit from them, it (crime – added by the author) is a threat to the normal functioning of the market economy and free economic relations both within countries and at the international level, while allowing criminals to develop and improve criminal activities."

Ключевые слова: Актив, легализация преступных доходов, отмывание денежных средств, состояние преступности.

Keywords: Legalization of criminal proceeds, money laundering, state of crime.

Легализация активов криминального происхождения создает основу для инкорпорации теневой экономики в рыночные отношения, подрывает финансовую стабильность государства, ослабляя его денежную систему. В этой связи данное преступление является одной из главных угроз экономической безопасности и препятствием общественному развитию. Особенно опасно это для государств, экономический строй которых подвергался масштабным преобразованиям.

Исследуемый вид преступлений является одним из общественно опасных деяний, совершение которого имеет устойчивую отрицательную динамику и выступает актуальной угрозой гармоничному развитию общественных отношений. И Монголия, и Россия приобрели исторический опыт огосударствления экономики, от которого отказались в начале 90-х годов XX в. Последовавшие экономические

преобразования изначально носили хаотичный характер, поэтому стандартные регуляторы рыночных отношений оказались в определенной степени поражены криминальными проявлениями.

Хотя теневая экономика существовала и в условиях командно-административной системы⁷⁵, в современный период ее оборот приобрел тенденцию к увеличению. Деструктивная теневая экономическая деятельность в условиях мировых кризисных явлений в экономике тесно связана с легализацией доходов, полученных преступным путем, и требует разработки научно обоснованных мер противодействия.

И Россия, и Монголия в определенной степени признаются государствами, имеющими «переходную» экономику, т. е. систему экономических отношений, подвергшихся кардинальной трансформации в связи с переходом к рынку⁷⁶. Для обоих государств характерно погружение экономики в глубокую депрессию в начале 90-х гг. прошлого века с последующим ростом вследствие проведенных реформ. В то же время, государственный контроль за соответствием экономической деятельности закону существенно ослаб, и это привело к распространению криминальных способов отмывания денег. Так, в России, по данным Росфинмониторинга, ежегодно легализуется порядка 300–350 млрд рублей, при этом правоохранительными органами выявляется не более 10 % легализованных доходов⁷⁷.

В Монголии, где одним из распространенных способов легализации является вывоз капитала за границу и последующее инвестирование его в объекты недвижимости, существенную роль в структуре теневой экономики играют малые предприятия. Примером может служить факт отмывания денег, добытых преступным путем, уголовное дело по которому расследовалось прокуратурой Швейцарии. Фигурантом дела оказался кандидат в парламент Монголии, который перевел на швейцарский счет другого, в то же время министра финансов г. Улан-Батор, более 8 млн евро, предположительно, в связи с предоставлением прав на добычу ископаемых в Монголии»⁷⁸.

Имея свойство самодетерминации и активно встраиваясь в легальные общественные отношения⁷⁹, преступность становится препятствием экономическому развитию. Преступления экономической направленности обладают высокой латентностью и высокой общественной опасностью. В рамках данной статьи полагаем возможным исследовать современные тенденции той части экономической преступности, которая связана с отмыванием денежных средств.

Изучение состояния преступности является одной из главных задач, решаемых криминологической наукой. В современных криминологических

⁷⁵ Громова О. Н. К вопросу о концептуальном подходе при определении понятия «экономическая преступность» // Образование и общество. 2013. № 1. С. 94–100.

⁷⁶ Базаров В. Б. Монголия в условиях переходного периода в конце XX в. // Власть. 2014. № 12. С. 89–92.

⁷⁷ Журбин Р. В. Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 4.

⁷⁸ Туман над Монголией. Что угрожает «оазису демократии», построенному потомками Чингисхана: URL: <https://www.mediazona.ca/article/2020/10/27/mongol> (дата обращения: 17.02.2022).

⁷⁹ Макаров В. В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2014. С. 8.

исследованиях обоснована историческая изменчивость преступности как социального явления, закономерного и не имеющего перспективы отмирания⁸⁰.

Преступность изучается в криминологии на различных уровнях, определяемых территориальными границами регионов и государств (от преступности в общегосударственном⁸¹ и даже мировом⁸² масштабе до ее проявлений в условиях отдельных административно-территориальных образований⁸³, городов⁸⁴, сельских поселений⁸⁵), либо – с учетом ее качественных характеристик – в объемах, представленных отдельными группами (видами) преступлений: корыстными⁸⁶, насильственными⁸⁷, коррупционной направленности⁸⁸ и пр.

Криминологическая характеристика легализации активов криминального происхождения включает количественные и качественные показатели. Первые отражают объем, уровень и динамику совершения указанных преступлений; вторые – степень их тяжести, масштабы распространенности, основные способы совершения⁸⁹.

Исследование криминологических особенностей исследуемого деяния осложняется дисбалансом между количеством ежегодно выявляемых при осуществлении внутреннего контроля, предусмотренного Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) денежных средств и имущества, заведомо приобретенных преступным путем, и финансированию терроризма» подозрительных операций, сведениями о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, и результатами рассмотрения уголовных дел о таких преступлениях судами.

Первоначально необходимо обратиться к российскому опыту противодействия отмыванию денежных средств, поскольку российская практика в этом отношении более насыщенная, нежели сложившаяся в Монголии. Поскольку

⁸⁰ Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 52–58; Долгова А. И. Криминология. М.: Норма, 2009. С. 61–73; Журавлев Г. Т., Ковалевская Е. В. Криминология. Учебно-методический комплекс. М.: ИЦ ЕАОИ, 2009. С. 45–46.

⁸¹ Антонян Ю. М., Бабаев М. М., Гуров А. И. Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. М.: ВНИИ МВД России, 2000. С. 3–13; Радовицкий К. А. Преступность в современной России: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01. М., 2004. С. 3–8.

⁸² Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997. С. 1–51.

⁸³ Сосновский В. В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в регионе: на материалах Московской области: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1999. С. 3–17.

⁸⁴ Кивич Ю. В. Криминологическая характеристика и предупреждение уличной преступности в условиях города: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1999. С. 3–12.

⁸⁵ Сорокин А. Б. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов, 2005. С. 3–14.

⁸⁶ Гончарова М. В. Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2014. С. 13–22.

⁸⁷ Васильев А. Б. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений против личности, совершаемых в условиях крупного города (на материалах г. Москвы): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2003. С. 3–16.

⁸⁸ Фадеев А. В. Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011. С. 5–11.

⁸⁹ Солтаев А. А. Криминологическая характеристика легализации преступных доходов и личности преступника // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: сб-к научн. тр. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 232–237.

легализация (отмывание) денежных средств и имущества, заведомо приобретенных преступным путем, относится к преступлениям в сфере экономической деятельности, уместно провести сравнение количества выявленных ее фактов как с общим массивом зарегистрированных преступлений, так и с числом общественно опасных посягательств, предусмотренных главой 22 УК РФ. Для наглядности проведем сравнение в табличной форме, как показано в таблице №1.

Таблица №1. Соотношение количества преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, с общими сведениями о зарегистрированной преступности и выявленными преступлениями в сфере экономической деятельности в России (2013–2020 гг.).

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Количество зарегистрировано преступлений в сфере экономической деятельности	Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ
2013	2206249	27388	582
2014	2190578	26737	774
2015	2388476	30028	863
2016	2160063	28967	818
2017	2058476	30042	711
2018	1991532	36543	993
2019	2024337	37788	946
2020	2044221	39591	950

Из данных, приведенных в таблице, следует, что в России количество преступлений в сфере экономической деятельности возросло за последние три года на 25 %, при этом рост выявленных фактов легализации денежных средств или имущества, приобретенных заведомо преступным путем, был еще более интенсивным, составив 33 % в 2019 г. В 2018 г. он приближался к 40 % (39,66 % по сравнению с 2017 г.), но впоследствии несколько стабилизировался. В структуре выявленных преступлений в сфере экономической деятельности составы, предусмотренные ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, не занимают значительных позиций, колеблясь в пределах 3–5 %. Однако данное обстоятельство никоим образом не снижает общественной опасности этих действий, а скорее, связано со сложностью выявления преступного поведения и большей направленностью усилий правоохранительных органов на противодействие иным преступлениям в сфере экономической деятельности (в частности, незаконной организации и проведении азартных игр, незаконному использованию документов для образования юридического лица, признаки которых выявляются интенсивнее, вследствие чего именно эти составы в большей части характеризуют современную российскую экономическую преступность).

В Монголии доля преступлений в сфере экономической деятельности в структуре общей зарегистрированной преступности не превышает 10 % (2013–2015 гг. – 9,5 %, 2016–2017 гг. – 9,8 %, 2018–2020 гг. – 9,9 %), при этом количество преступлений, предусмотренных ст. 18.6 УК Монголии, практически не выявляется, будучи представленным единичными фактами.

По данным Национального статистического комитета Монголии (НСК), в 2015 г. доля теневой экономики составляла 9,2 % ВВП страны, тогда как к 2020 г. достигла 15,7 % ВВП; число незаконных производителей товаров выросло за этот

период в 5,3 раза⁹⁰. Феномен масштабной «теневизации» страны привел к тому, что значительный сектор экономики оказался вне регулирующего воздействия права⁹¹.

Таким образом, главной тенденцией, отражающей современное состояние легализация активов криминального происхождения является сверхвысокая латентность, вследствие которой ежегодно выявляется ничтожно малая часть указанных деяний.

О сверхвысокой латентности легализации активов криминального происхождения свидетельствует стабильно высокое количество предикатных преступлений: например, в 2017 г. зарегистрировано 107 446 фактов сбыта наркотических средств и психотропных веществ (в 2018 г. – 112 854, в 2019 г. – 112 651, в 2020 – 112 267; для сравнения, в 2013 г. их было зарегистрировано 108 874, в 2014 г. – 126 233, в 2015 г. – 99 052, в 2016 г. – 118 521). Неблагоприятной динамикой, отражающей их существенный рост, отличаются и преступления коррупционной направленности: 2017 г. – 29 634, 2018 г. – 30 495, 2019 г. – 30 991, в 2020 г. – 30 813 (для сравнения, в 2013 г. их было зарегистрировано 42 506, в 2014 г. – 32 204, в 2015 г. – 32 924, в 2016 г. – 32 465, т.е. имело место сокращение значительное их количества, сменившееся обратной тенденцией). По результатам изучения материалов уголовных дел, возбужденных по фактам совершения предикатных преступлений этих видов, можно заключить, что признаки преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, были выявлены не более чем в 7 % случаев.

Серьезную тревогу вызывает резкий (практически втрое) рост посягательств, совершенных с использованием ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: в 2017 г. в России их выявлено 90 587, в 2018 г. – 174 674, в 2019 г. – 294 409. Ресурсы сети «Интернет» давно и активно используются для реализации криминальных экономических схем, в том числе, для легализация активов криминального происхождения⁹². При этом их раскрываемость в целом не является высокой и имеет отрицательную динамику (порядка 22,5 % в 2017 г., 24,8 % в 2018 г., 22,1 % в 2019 г.)⁹³. Применительно к рассматриваемому виду преступления необходимо отметить, что в 2017–2018 гг. в России было возбуждено 104 уголовных дела по фактам использования цифровой валюты (криптовалюты) при незаконном обороте наркотиков⁹⁴. Следует отметить и то обстоятельство, что в современный период в России зафиксирован существенный рост количества мошеннических действий (свыше 200 тыс. в год), которые также выступают предикатными преступлениями, приносящими доход, требующий последующей легализации.

Из этого следует, что в настоящее время правоохранительные органы не располагают истинными сведениями, позволяющими оценить фактическую распространенность легализации активов криминального происхождения.

⁹⁰ Ариунбаяр Р. Объем теневой экономики Монголии колеблется на уровне 9,2–15,7 % ВВП // URL: <https://www.montsame.mn/ru/read/212496> (дата обращения: 27.12.2020).

⁹¹ Наранцэцэг У. Скрытая экономика. Улан-Батор, 2002. С. 5.

⁹² Пинкевич Т. В. Преступность с использованием криптографических кодов и ее влияние на криминологическую безопасность России // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 3. С. 88–90.

⁹³ Состояние преступности в Российской Федерации // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987/> (дата обращения: 28.12.2020).

⁹⁴ Батюкова В. Е. Вопросы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 131–134.

Для сравнения, в предшествующий период фиксировался как существенный рост, так и резкое снижение количества преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ. Временная активизация усилий правоохранительных органов по выявлению этих посягательств признается в целом формальной⁹⁵, хотя это можно оспорить.

Так, с 2003 по 2005 гг. оно возросло в 12 раз (с 620 до 7461), причем это произошло в условиях уменьшения числа предикатных преступлений в 1,7 раза. Полученные данные свидетельствуют о том, что в указанный момент правоохранительными органами активно осуществлялась работа по выявлению именно фактов легализации активов криминального происхождения. За 2009 г. – 2011 гг. произошло аналогичное сокращение выявленных фактов легализации (с 8791 до 704), имевшее место на фоне сокращения предикатных преступлений в 1,3 раза⁹⁶. Необходимо отметить, что это совпало с серьезными корректировками положений российского уголовного законодательства в части, устанавливающей ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, повлекшими резкое сокращение их зарегистрированной части. В частности, в 2010 – 2011 гг., уголовная ответственность за большинство преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности была гуманизирована. Так, в ряд уголовно-правовых норм в сторону смягчения внесены изменения размеров причиненного ущерба⁹⁷, а также впервые в данной сфере при условии возмещения в полном размере нанесенного ущерба предусмотрено освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступные деяния⁹⁸. В 2016 г. размеры ущерба, необходимого для признания, содеянного преступным посягательством, подверглись дальнейшей корректировке. Кроме того, в силу высокой латентности преступных деяний, совершенных в рассматриваемой сфере, очевидно, что ряд из них не был отражен в уголовно-правовой статистике.

В целом можно заключить, что количество выявленных фактов легализации преступных доходов возвращается сегодня на позиции, относящиеся к началу 2000-х годов (в 2002 г., например, было зарегистрировано 1033 преступления, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ)⁹⁹.

Сразу необходимо оговориться, что практический опыт российских правоприменителей в сфере противодействия легализации активов криминального происхождения обладает достаточной разносторонностью. Хотя ежегодно за легализацию активов криминального происхождения (ст. ст. 174, 174.1 УК РФ), осуждается небольшое количество лиц, виновных в совершении этих преступлений¹⁰⁰ и столь малое количество уголовных дел, доведенных до

⁹⁵ Зимин О. В. Состояние, особенности и тенденции легализации (отмывания) преступных доходов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 8. С. 79–88.

⁹⁶ Пикуров Н. И., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы квалификации и привлечения к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем. Нижний Новгород: изд-во «Кириллица», 2015. С. 21.

⁹⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 05.04.2010 № 60-ФЗ // Российская газета. 2010. 9 апр.

⁹⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Российская газета. 2011. 9 дек.

⁹⁹ Молчанова Т. В. Количественные параметры оценки преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ и проблемы их правоприменения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2016. № 6. С. 100–105.

¹⁰⁰ Например, в 2009–2018 гг. судебными органами России вынесены приговоры в отношении 156 лиц, совершивших противоправные преступные деяния в данной сфере, за

логического финала, можно заключить, что правоприменители не имеют достаточных знаний и профессиональных навыков, позволяющих изобличать субъектов, виновных в отмывании преступных доходов.

Количество совершенных преступных деяний в сфере экономической деятельности, связанных с легализацией активов криминального происхождения, органами внутренних дел выявляется значительно больше, в то же время по результатам специальных исследований установлено, они составляют не более нескольких процентов в структуре экономических преступлений¹⁰¹. В соотношении же с деяниями, совершаемыми из корыстных побуждений и связанными с незаконным обогащением, выявленные акты легализации насчитывают сотые доли процента. В правоприменительной практике Монголии ситуация сложилась еще более сложная: в августе 2020 г. был вынесен первый приговор по ст. 18.6 УК Монголии, а ранее таких прецедентов зафиксировано не было, поскольку суды принимали оправдательные решения, не обнаружив признаков состава легализации в действиях обвиняемых.

Анализируя современное состояние легализации активов криминального происхождения необходимо обратить внимание на то, что количество зарегистрированных преступлений и число лиц, осужденных за их совершение, в значительной степени не совпадает. Поясним это наглядно, приведя сводные данные в таблице №2.

Таблица №2. Соотношение выявленных фактов отмывания денег и числа осужденных в России (2013–2020 гг.)

Год	Количество выявленных преступлений	Количество направленных дел в суд	Количество осужденных	
			Ст. 174 УК РФ	Ст. 174.1 УК РФ
2013	582	271	24	2
2014	774	448	22	18
2015	818	596	7	7
2016	863	592	0	16
2017	711	530	5	27
2018	993	619	15	18
2019	946	624	2	16
2020	950	631	2	15

Как видно из таблицы, интенсивность осуществления уголовного преследования за легализацию активов криминального происхождения существенно различается. Если количество оконченных расследованием дел остается стабильным, составляя порядка 65 % от выявленных преступлений, то итоги их рассмотрения не свидетельствуют о высокой эффективности

совершение преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ, в том числе в отношении 448, предъявляны обвинения по ст. 174.1 УК РФ. В 2019 г. за совершение аналогичных преступлений было осуждено 18 человек (См. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 гг. и 2008–2019 гг. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>) (дата обращения: 27.12.2020).

¹⁰¹ Родичев М. Л. Оперативно-розыскное противодействие легализации имущества, приобретенного преступным путем (на примере Северо-Западного федерального округа РФ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. СПб, 2015. С. 5.

правоприменительной деятельности. В результате проведенных следственных мероприятий и последующей уголовно-правовой оценки содеянного судом к уголовной ответственности привлекается не более 3–5% лиц, в связи с действиями которых возбуждается уголовное дело. Такая ситуация в качестве основной детерминанты имеет, как представляется, недостаточную согласованность действий правоприменителей, вызванную, в свою очередь, дефектами нормативной правовой базы и неправильным пониманием особенностей конструкции составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ.

Региональные особенности легализации активов криминального происхождения определяются экономической активностью, распространенной на территории государства или ее части, уровнем экономического развития и стабильностью экономических отношений. Для России это регионы с высокой инвестиционной привлекательностью (Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край)¹⁰². В Монголии большинство фактов легализации преступных доходов выявляется в столичном регионе или непосредственно в столице (г. Улан-Батор).

В Монголии резкий всплеск количества преступлений, предусмотренных ст. 18.6 УК, имел место в 2019 г., когда в результате сложной комплексной операции была пресечена криминальная активность преступной группы, насчитывавшей более 800 человек (большинство из них были гражданами КНР). Обвинение было предъявлено пятерым из них: гражданину Монголии и четверым гражданам КНР. Преступления совершались в г. Улан-Батор, субъектами совершались манипуляции с виртуальными финансовыми активами. Из приведенного примера следует, что диспропорция между выявленными фактами криминальной активности и численностью субъектов, которым предъявлено обвинение, имеет место и в Монголии.

Кроме того, вследствие не проработанности положений ст. 18.6 УК Монголии имеются возможности для прекращения уголовного преследования в тех случаях, когда субъект совершит действия, свидетельствующие о деятельном раскаянии. Например, весной 2020 г. МЮиВД Монголии было выявлено 49 лиц, имеющих счета в оффшорных зонах; условием не привлечения к уголовной ответственности был поставлен возврат капиталов под монгольскую юрисдикцию. В результате указанные лица избежали уголовной ответственности. Нормы о деятельном раскаянии известны и российскому, и монгольскому уголовному законодательству, и являются средством поощрения позитивного посткриминального поведения, однако в рассматриваемой ситуации едва ли справедливо прекращать уголовное преследование только в связи с возвратом денежных средств криминального происхождения.

По результатам исследований, проведенных российскими учеными, определена структура предикатных преступлений, т. е. деяний, приносящих доход, который впоследствии легализуется посредством финансовых операций и других сделок¹⁰³. Как представляется, эти данные коррелируют с общими тенденциями,

¹⁰² Токманцев Д. В. Некоторые проблемы квалификации отмывания преступных денег // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 61–63.

¹⁰³ Так, по результатам исследований 54,2 % этих деяний составили преступления против собственности, 21,2 % – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, 8,6 % – связаны с проявлением коррупционных противоправных деяний (злоупотреблением полномочиями), 5,3 % – преступления в экономической сфере (См. Пудовочкин Ю. Е., Русанов Г. А. Отмывание денег в контексте организованной

определяющими современное состояние российской преступности. В Монголии количество зарегистрированных преступлений снижается: в 2019 г. на 13,6 %, в 2018 г. на 7,2 %, однако легализация денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, сохраняет высочайшую латентность и крайне скудно отражается в официальной статистике.

Основываясь на результатах экспертного опроса, в котором приняли участие представители бизнес-среды и правоохранительных органов, можно заключить, что явление отмывания денег в Монголии имеет преимущественно коррупционное происхождение, к нему причастны в большинстве случаев лица, обладающие должностным положением и использующие принадлежащие им властные, административно-хозяйственные и управленческие полномочия (такой ответ дали 53,4 % и 62,7 % респондентов соответственно). В целом это согласуется с результатами мониторинга ФАТФ, согласно которому Монголия в течение шести лет (2014–2020 гг.) находилась в «сером» списке¹⁰⁴. Общеуголовная преступность, связанная с хищениями чужого имущества или незаконным оборотом наркотических средств, имеет в Монголии свою специфику: лица, причастные к совершению таких деяний, достаточно маргинализированы и, как правило, тратят незаконно приобретенные доходы для удовлетворения личных потребностей, не используя их активы в финансовых операциях и иных сделках, что создает препятствие для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших деяния, предусмотренные по ст. 18.6 УК Монголии. Следует отметить, тем не менее, что среди распространенных предикатных преступлений в Монголии имеют место присвоение и растрата, совершаемые с использованием служебного положения.

Как негативное социальное явление, коррупция тесно связана с легализацией активов криминального происхождения¹⁰⁵. Примером активной вовлеченности лиц, причастных к отмыванию денег, в коррупционные схемы, может быть следующий пример. В октябре 2020 г. за совершение преступления, предусмотренного ст. 18.6 УК Монголии, был осужден экс-министр обороны страны, известный бизнесмен Б. Эрдэнэбат. Как установил суд, через принадлежащий ему туристический холдинг было легализовано свыше 20 млрд тугриков, и эта деятельность осуществлялась в течение 25 лет¹⁰⁶.

Процесс легализации (отмывания) денежных средств имеет три стадии, последовательное прохождение которых приводит к полному их проникновению в экономический оборот. Первая стадия включает размещение преступных доходов в структуре экономических отношений (обналичивание или обезличивание денег, размещение их в качестве вкладов, использование для расчета при совершении сделки с имуществом). На второй стадии имеет место сокрытие криминального происхождения денежных средств или иного имущества; на третьей

преступной деятельности (на примере России) // Государство и право. 2019. № 10. С. 104–111).

¹⁰⁴ О ключевых итогах пленарного заседания Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) 8–23 октября 2020 года // URL: http://www.cbr.ru/counteraction_m_ter/international/fatf/info_fatf/inf_note_nov_1320/ (дата обращения: 27.12.2020).

¹⁰⁵ Авдеева О. А., Авдеев В. А. Антикоррупционное законодательство России: ретроспективный анализ формирования механизма правового воздействия // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 59–69.

¹⁰⁶ Б. Эрдэнэбат осужден за мошенничество и отмывание денег // URL: <http://www.mongolnow.com/b-erdenebat-osuzhdyon-na-7-let-za-moshennichestvo-i-otmyvanie-deneg/> (дата обращения: 27.12.2020).

осуществляется интеграция имущества в легальный экономический оборот, и оно начинает приносить прибыль, т. е. использоваться как экономический инструмент.

Правоприменительная практика Монголии и России преимущественно выстроена в направлении выявления заключительной стадии легализации, что достаточно затрудняет привлечение виновных к уголовной ответственности. В ходе изучения материалов следственной практики нами выявлены такие способы легализации активов криминального происхождения, как инвестирование в ликвидные объекты недвижимости на территории государства или за его пределами с последующей сдачей в аренду (33,1 %), совершение банковских и иных финансовых операций (25,0 %), приобретение предметов роскоши на имя подставных или аффилированных лиц (24,1 %), вложение денег в открытие новых бизнес-проектов (17,8 %). Во всех перечисленных случаях особую уязвимость приобретает кредитно-финансовая система, приспособливающаяся преступниками для наиболее простого и безопасного отмывания нелегальных доходов.

По результатам опроса респондентов нами выявлено, что наиболее пораженными в части отмывания денежных средств являются учреждения финансово-кредитной системы, сфера строительства и сфера оборота недвижимого имущества. Они в значительной степени находятся под влиянием финансовых рисков, а объем инвестиций не в достаточной степени контролируется со стороны государства. В современный период в экономике Монголии существенную роль играют горнодобывающая промышленность, агропромышленный комплекс, а также (традиционно) – кочевое скотоводство. Во всех трех направлениях велика доля мелких предпринимателей, часть которых может быть причастной к противоправному извлечению доходов с их последующим использованием в легальной экономической деятельности. В частности, во взаимосвязи с уклонением от уплаты налогов, иными нарушениями в коммерческой сфере.

Подводя итог, можно заключить, что совершение финансовых операций и иных сделок с денежными средствами и имуществом, заведомо приобретенными преступным путем, характеризуется неблагоприятной динамикой. Усилия правоохранительных органов по противодействию этому явлению следует признать недостаточными. Основной тенденцией криминальной активности, связанной с легализацией активов криминального происхождения является ее сверхвысокая латентность, во взаимосвязи с которой существенная корреляционная связь с преступными посягательствами, носящими предикатный характер, отсутствует.

Динамика наиболее распространенных предикатных преступлений (незаконный сбыт наркотических средств, преступления коррупционной направленности, посягательства, совершенные с использованием сети «Интернет») имеет отрицательный характер, и в условиях резкого роста их количества в целом не отражает истинный масштаб легализации активов криминального происхождения.

Правоприменительный опыт, складывающийся в Монголии, ограничен фрагментарным выявлением отмывания денег, вследствие чего системное противодействие этому преступлению в настоящее время практически отсутствует.

Список использованной литературы

1. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Антикоррупционное законодательство России: ретроспективный анализ формирования механизма правового воздействия // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 1.
2. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 52–58; Долгова А. И. Криминология. М.: Норма, 2009. С. 61–73; Журавлев Г. Т., Ковалевская Е. В. Криминология. Учебно-методический комплекс. М.: ИЦ ЕАОИ, 2009.
3. Антонян Ю. М., Бабаев М. М., Гуров А. И. Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. М.: ВНИИ МВД России, 2000. С. 3–13; Радовицкий К. А. Преступность в современной России: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01. М., 2004.
4. Ариунбаяр Р. Объем теневой экономики Монголии колеблется на уровне 9,2–15,7 % ВВП // URL: <https://www.montsame.mn/ru/read/212496> (дата обращения: 27.12.2020).
5. Б. Эрдэнэбат осужден за мошенничество и отмывание денег // URL: <http://www.mongolnow.com/b-erdenebat-osuzhdyon-na-7-let-za-moshennichestvo-i-otmyvanie-deneg/> (дата обращения: 27.12.2020).
6. Базаров В. Б. Монголия в условиях переходного периода в конце XX в. // Власть. 2014. № 12.
7. Батюкова В. Е. Вопросы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3.
8. Васильев А. Б. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений против личности, совершаемых в условиях крупного города (на материалах г. Москвы): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2003.
9. Гончарова М. В. Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2014.
10. Громова О. Н. К вопросу о концептуальном подходе при определении понятия «экономическая преступность» // Образование и общество. 2013. № 1.
11. Журбин Р. В. Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты. М.: Волтерс Клувер, 2011.
12. Зимин О. В. Состояние, особенности и тенденции легализации (отмывания) преступных доходов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 8.
13. Кивич Ю. В. Криминологическая характеристика и предупреждение уличной преступности в условиях города: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1999.
14. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997.
15. Макаров В. В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2014.
16. Молчанова Т. В. Количественные параметры оценки преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ и проблемы их правоприменения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2016. № 6.
17. Например, в 2009–2018 гг. судебными органами России вынесены приговоры в отношении 156 лиц, совершивших противоправные преступные деяния в данной сфере, за совершение преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ, в том числе в отношении 448, предъявляны обвинения по ст. 174.1 УК РФ. В 2019 г. за совершение аналогичных преступлений было осуждено 18 человек (См. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–

2007 гг. и 2008–2019 гг. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>) (дата обращения: 27.12.2020).

18. Наранцэцэг У. Скрытая экономика. Улан-Батор, 2002.

19. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 05.04.2010 № 60-ФЗ // Российская газета. 2010. 9 апр.

20. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Российская газета. 2011. 9 дек.

21. О ключевых итогах пленарного заседания Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) 8–23 октября 2020 года // URL: http://www.cbr.ru/counteraction_m_ter/international/fatf/info_fatf/inf_note_nov_1320/ (дата обращения: 27.12.2020).

22. Пикуров Н. И., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы квалификации и привлечения к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем. Нижний Новгород: изд-во «Кириллица», 2015.

23. Пинкевич Т. В. Преступность с использованием криптографических кодов и ее влияние на криминологическую безопасность России // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 3.

24. Родичев М. Л. Оперативно-розыскное противодействие легализации имущества, приобретенного преступным путем (на примере Северо-Западного федерального округа РФ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. СПб, 2015.

25. Солтаев А. А. Криминологическая характеристика легализации преступных доходов и личности преступника // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: сб-к научн. тр. Саратов: Саратовский источник, 2019.

26. Сорокин А. Б. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов, 2005.

27. Сосновский В. В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в регионе: на материалах Московской области: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1999.

28. Состояние преступности в Российской Федерации // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987/> (дата обращения: 28.12.2020).

29. Так, по результатам исследований 54,2 % этих деяний составили преступления против собственности, 21,2 % – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, 8,6 % – связаны с проявлением коррупционных противоправных деяний (злоупотреблением полномочиями), 5,3 % – преступления в экономической сфере (См. Пудовочкин Ю. Е., Русанов Г. А. Отмывание денег в контексте организованной преступной деятельности (на примере России) // Государство и право. 2019. № 10).

30. Токманцев Д. В. Некоторые проблемы квалификации отмывания преступных денег // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1.

31. Туман над Монголией. Что угрожает «оазису демократии», построенному потомками Чингисхана: URL: <https://www.mediazona.ca/article/2020/10/27/mongol> (дата обращения: 17.02.2022).

32.Фадеев А. В. Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011.